

Е. П. ЗЫКОВА¹

М. Н. ЗАГОСКИН И ТРАДИЦИЯ ВАЛЬТЕРА СКОТТА

Создавая первый русский исторический роман «Юрий Милославский», М. Н. Загоскин сознательно выстраивал его по художественной модели, предложенной Вальтером Скоттом. Однако повествование получилось оригинальным и мало похожим на создания Скотта, так как Загоскину была чужда концепция истории «шотландского чародея». Скотт опирался на просветительскую теорию прогресса, сочетая её с романтической идеей национальной самобытности: это противоречивое сочетание и создавало впечатление беспристрастности автора, который видит правоту обеих сторон в историческом конфликте. Русский романист, напротив, исходил из романтической идеи национального единства, народного духа, для него в историческом конфликте есть правые и виноватые, и соответственно этим представлениям изменились функции и характеристика персонажей романа. Изменения особенно коснулись фигуры главного героя, игравшего, как и у Скотта, роль посредника между двумя враждующими лагерями. Однако для героя Загоскина роль посредника оказывается ложной, неприемлемой, взятой на себя вследствие трагической ошибки. Если герой Скотта – частный человек, лично не заинтересованный в историческом конфликте, то герой Загоскина вовлечён в исторические события и не мыслит себя в отрыве от судеб своей страны.

Ключевые слова: исторический роман, подражание и оригинальность, концепция истории, прогресс, национальная самобытность.

Создателем европейского исторического романа был, как известно, Вальтер Скотт. Как основоположник исторического романа, Скотт оказал влияние на развитие этой разновидности романного жанра почти во всех европейских литературах, а также в литературе американской. Пожалуй, несколько менее других испытала его влияние французская литература, где историческая проза во многом развивалась на основе собственной традиции мемуаров и собраний исторических анекдотов XVII–XVIII вв. В частности, «Хроника времён Карла IX» Проспера Мериме выросла как раз из подобного рода повествований. Один из лучших французских исторических романов эпохи романтизма – «Сен-Мар» Альфреда де Виньи также не повторяет схему исторического романа Вальтера Скотта. Однако названные произведения

¹ Екатерина Павловна Зыкова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН (Москва, Российская Федерация); epzykova@yandex.ru

написаны в 1830-е годы и не могли служить образцом для ранних русских исторических романов, ориентированных всецело на опыт Вальтера Скотта.

Поэтика романов «шотландского чародея» неоднократно становилась объектом специального исследования, и её основные черты исчерпывающе описаны в критике. Из отечественных исследований можно указать на ценную книгу А. А. Долинина «История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели» [6]. Критическое восприятие Скотта в России отражено в статье Ю. Д. Левина «Прижизненная слава Вальтера Скотта в России» [8]. Наиболее развёрнутую попытку сопоставительного анализа, правда, отягчённую политической тенденциозностью, предпринял М. Г. Альтшуллер в книге «Эпоха Вальтера Скотта в России: исторический роман 1820-х годов» [2].

В 1828 г. А. С. Пушкин опубликовал главы из незаконченного романа «Арап Петра Великого», а в 1829 г. (в один год с «Борисом Годуновым») вышел из печати первый законченный русский исторический роман – «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» М. Н. Загоскина, который стал событием литературной жизни. О впечатлении, произведённом им на русскую публику, писали многие. Князь А. А. Шаховской описал в письме М. Н. Загоскину литературный обед у графа Ф. П. Толстого сразу по выходе в свет этого романа: «Я уже совсем оделся, чтоб ехать на свидание с нашими первоклассными писателями, как вдруг принесли мне твой роман; я ему обрадовался и повёз с собой мою радость к гр. Толстому. Но там меня ею уже встретили. Первое действующее лицо авторского обеда, явившееся на сцену, был Пушкин и тотчас заговорил о тебе; Пушкин восхищался отрывками твоего романа, которые он читал в журнале; входит Крылов из дворца: расспросы о тебе и *улыбательные* одобрения твоему роману; входит Гнедич: в восхищении от прекрасного твоего романа; наконец является Жуковский и, сказав два слова, объявляет, что не спал вчера всю ночь – от чего же? Всё-таки от твоего романа, который он получил, развернул, хотел прочесть кое-что и, не сходя с места и не ложась спать, не мог не прочесть всех трёх томов; а это самая лучшая похвала, какую он мог сделать твоему сочинению; он просил меня тотчас к тебе написать о действии, которое ты над ним произвёл, о своей благодарности и о том, что хотя он ещё не успел поднести твоего романа императрице, но предупредил её, что она увидит диво на нашем языке» [1, 401–402]. Н. И. Греч в «Записках о моей жизни» вспоминал: «Его читали везде, и в гостинных, и в мастерских, в кругах простолюдинов и при высочайшем дворе» [5, 704]. С. Т. Аксаков в своих «Воспоминаниях», написанных сразу после смерти Загоскина, утверждал: «Почти всё, что знает грамоте на Руси – читало и знает Загоскина, к этому числу следует присоединить всех без исключения торговых грамотных крестьян. Восемь изданий “Юрия Милославского” (переведённого на многие европейские языки), три или четыре издания некоторых других романов, повестей и рассказов, разошедшихся по всем уголкам России, ясно и убедительно подтверждают слова мои» [1, 381]. Об огромной популярности романа свидетельствует и тот эпизод из «Ревизора» Н. В. Гоголя, где Хлестаков пытается приписать себе авторство «Юрия Милославского».

Уже в первых критических рецензиях роман М. Н. Загоскина сопоставляли с историческими романами Вальтера Скотта, правда, с разной оценкой. А. А. Бестужев увидел в романе лишь неудачное подражание Скотту: «Чу-

жеземная подделка не спрятана у него под кривостью русского языка. Его Юрий – метемпсихоза Вальтер Скоттова Веверлея» [4, 204]. А. С. Пушкин, напротив, начал свою рецензию с упреков по адресу незадачливых подражателей Скотта, которые выпустили духа исторического романа на свободу, но не смогли с ним совладать, и противопоставил им М. Н. Загоскина [12, 72–74]. С. Т. Аксаков в своей рецензии писал: «Если б романы Вальтера Скотта были написаны на русском языке, и тогда бы “Юрий Милославский” сохранил своё неотъемлемое достоинство. Это небывалое явление на горизонте нашей словесности» и называл его «первым историческим романом, первым творением в этом роде, которое имеет народную физиономию: характеры, обычаи, нравы, костюм, язык» [1, 353]. А В. Г. Белинский давал понять, что сравнение будет уж слишком не в пользу русского романиста: «К чему... проводить параллель между Вальтером Скоттом и г. Загоскиным?» [3, т. 10, 184].

Используя художественную модель Скотта, М. Н. Загоскин положил в основу романа значительный исторический конфликт – борьбу за русский престол в Смутное время – и изобразил два враждующих лагеря: русских и поляков. В центре романа он поставил, как и у Скотта, вымышленную фигуру молодого героя, который волею обстоятельств оказывается связан и с тем, и с другим лагерем. В романе есть и любовный сюжет (который несколько меньше, чем у Скотта, занимает внимание читателя): Юрий Милославский влюблён в дочь боярина Кручины-Шалонского Анастасию и в конце романа женится на ней. На периферии романа, как и у Скотта, помещены реальные исторические лица – Кузьма Минин, Авраамий Палицын, которые, однако, оказывают в переломные моменты сюжета решающее влияние на судьбу главного героя. При этом Минин Юрий Милославский в первый раз встречает в корчме, обращая внимание на внушающую уважение наружность этого простого по званию человека (то есть встречает как бы инкогнито, что часто случается в романах Скотта). Как и в романах Скотта, в «Юрии Милославском» имеется колоритный верный слуга героя – Алексей Бурнаш; как и у шотландского романиста, важную роль в действии играет помощник, который выручает Юрия в опасных для его жизни обстоятельствах, – это казак Кириша, которого в начале романа Юрий спас, когда тот замерзал в снегу.

Наконец, как и Скотт, М. Н. Загоскин тщательно изучает изображаемую эпоху: историческими источниками для него служат в первую очередь «История государства Российского» Н. М. Карамзина, а также «Сказание Авраама Палицына» и летописи XVII века («Новый летописец»). При этом, как и Скотт, М. Н. Загоскин позволяет себе некоторые отступления от исторической точности, на которые сам указывает в помещённых в конце романа «Исторических замечаниях». Например: «Московские жители целовали крест царевичу Владиславу в 1610 году; следовательно, в 1611 году знали уже об этом не только близ Нижнего Новгорода, да и в самых отдалённых провинциях царства Русского. Тушинский вор также убит в 1610 году. Сочинитель винится в сих анахронизмах» [7, 286]. Таким образом, прибегая к уловке Скотта, романист создаёт у читателя впечатление, что всё остальное содержание романа строго соответствует исторической истине.

Как мы видим, М. Н. Загоскин действительно воспользовался «формулой» исторического повествования, предложенной Вальтером Скоттом, старался как можно тщательнее воссоздать на русской почве тип романа, найденный

«шотландским чародеем», тем не менее роман получился всё-таки не совсем такой, как у Скотта, а точнее, совсем не такой. Если внимательнее присмотреться ко всем моментам сходства, можно увидеть, что и различия в каждом случае не менее значимы.

Это касается прежде всего типа героя и понимания смысла исторического конфликта. Вальтер Скотт, как известно, потрясал своих первых читателей тем, что он как бы парил над историческим конфликтом, им изображаемым, не принимая всецело ни ту, ни другую сторону. Ему всегда удавалось показать, что и у той, и у другой стороны есть своя «правда». В таком подходе к изображению исторического конфликта современники, особенно младшие современники Скотта, уже тяготевшие к реализму, увидели признак высшей правдивости и эстетической незаинтересованности его как художника.

Однако не следует забывать, что живописные исторические полотна Скотта создавались на основе определённой идеологической конструкции, определённой концепции истории. Присмотримся к ней повнимательнее. Во времена Скотта в Англии господствующей была либерально-просветительская концепция истории, основанная на идее прогресса, движения от тьмы невежества к свету разума, составляющего суть истории. Прогресс прокладывает себе дорогу в истории благодаря деятельности просвещённых людей. Из этой концепции логически вытекает, что если более развитые страны завоёвывают или подчиняют себе страны менее развитые (что, естественно, должно им удаваться), это неизбежное и положительное явление, ибо таким путём и в менее развитые страны приносится прогресс, а прогресс в любом случае есть благо. При этом носители прогресса могут преследовать свои корыстные цели и быть, как люди, безнравственны и малосимпатичны, но объективно их роль в истории окажется положительной. Подобный парадокс раскрыл ещё в начале XVIII в. Бернад Мандевиль в своем сочинении «Возроптавший улей, или Мошенники, ставшие честными» (1705, переиздан в 1714 г. под названием «Басня о пчёлах, или Частные пороки – общественные выгоды» [9]).

Несоответствие целей и результатов Французской революции наглядно показало романтикам, что национальная история не поддаётся переделке по законам просветительского разума. Это одним из первых понял предромантик Эдмунд Берк, который в своих «Размышлениях о революции во Франции» (1790) [13] осудил революционеров за разрушение национальных институтов и традиций. Единство и преемственность национальной культуры становятся приоритетом исторической мысли романтиков, на их основе возникает идея описания «местного колорита». Немецкими романтиками была создана концепция народного духа; в предромантизме возникает интерес к фольклору, романтики же проявляют более бережное отношение к народному творчеству, не подправляя и не редактируя народные произведения искусства и т.д. Романтическая философия истории отрицает продуктивность волюнтаристской переделки исторической жизни народа, провидит в истории силы, действующие помимо человеческой воли или направляющие её, которые необходимо чувствовать и постигать. Новалис в сочинении «Христианство, или Европа» (1799) [10] и Шатобриан в «Гении Христианства» (1802) [14] подчёркивают основополагающую роль христианства в становлении и обновлении европейской культуры.

Какова же концепция истории в романах Скотта? Она двойственна: Скотт опирается на просветительскую теорию прогресса, признавая неизбежность и правильность распространения цивилизации, но вместе с тем использует и романтическую идею «местного колорита». Будучи любителем шотландской старины, патриотом и одновременно либералом, он в романах «шотландского» цикла с любовью описывает старинный уклад жизни своей родины и одновременно показывает, что английское завоевание было неизбежно, потому что Шотландия стояла на более низкой ступени развития: оно несло с собой не только потерю независимости, но и модернизацию страны, т.е. прогрессивное начало. Таким образом, его оценка исторических сдвигов, как правило, двойственна: в них он видит и положительную, и отрицательную сторону.

В связи с такой трактовкой исторического конфликта Скотту удобнее изображать его не в фазе вооружённого столкновения или открытой борьбы, но тогда, когда конфликт заморожен или когда исход борьбы уже решён, острота конфликта спадает, и читатель видит фактически его последствия, иногда весьма отдалённые. Так, в «Айвенго» мы застаём конфликт англосаксов с норманнами, когда прошло два века со времен норманнского завоевания, когда начинается, правда с трудом, процесс ассимиляции. Естественно, на этом этапе вопрос о завоевателях и завоёванных стоит уже не так остро; и герои-англосаксы, и герои-норманны по-своему оказываются правы, им необходимо искать компромисс и учиться жить вместе. То же можно сказать и о романах шотландского цикла. Мы находим в романах Скотта Шотландию уже покорённую Англией, в которой уже началось разложение старой родовой системы шотландских кланов, хотя средневековые понятия о верности и справедливости ещё живы. Скотт и любит носителями старой клановой морали, и показывает их «отсталость». В его концепции истории речь идёт не о справедливости, а о пользе и прогрессивности тех или иных социально-культурных перемен.

Эта двойственность в понимании истории, художественно воплощённая Скоттом в «беспристрастное» парение над конфликтом, признание исторической правды обеих сторон оказались чужды М. Н. Загоскину. Он рассматривает исторический процесс в других, сугубо романтических терминах – национальной целостности, представляет страну и её народ как некое живое и саморазвивающееся единство. Он не замечает или не принимает двойственный подход Скотта: для него существует одна истина и одна справедливость – в исторической сфере это сохранение национальной культуры и государственности, возможность свободного саморазвития народа. Не углубляясь, подобно Новалису и Шатобриану, в философию истории, М. Н. Загоскин, тем не менее, показывает важность религиозного начала в духовной жизни народа и в историческом конфликте.

У М. Н. Загоскина, в отличие от Вальтера Скотта, в историческом конфликте есть безусловно правые и безусловно виноватые, захватчики и те, кто отстаивает от них независимость своей родины. При этом, хотя поляки представлены как захватчики, среди них Юрий Милославский находит и благородных людей, и доблестных воинов (хотя по большей части эгоистов и корыстолюбцев). Но что касается русских, предавших отечество и принявших сторону поляков, то они изображены как персонажи сугубо отрицательные, которых презирают и сами поляки. Рассматривая исторический процесс

прежде всего с точки зрения национальной целостности, М. Н. Загоскин, в отличие от Скотта, берёт исторический конфликт в самый важный момент его развития, когда на весах истории решается, быть русскому государству или не быть.

В книге Марка Альтшуллера «Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов» подробно рассмотрен вопрос о концепции истории Вальтера Скотта и отступлении от неё у М. Н. Загоскина. Главным положительным качеством концепции истории Скотта Альтшуллер считает её толерантность: в конфликте противоборствующих исторических сил Скотт всегда видит правоту и одной, и другой стороны, а его главный герой, находящийся между двумя конфликтующими лагерями, иногда оказывается вынужден, иногда сознательно переходит из одного лагеря в другой, сохраняя при этом свою независимость и самоуважение. Для него чисто человеческие отношения между людьми (любовь, дружба, верность сюзерену) важнее, чем его принадлежность к определённой исторической общности (народу, вере). Подобной толерантности и лишён, по мысли Альтшуллера, роман М. Н. Загоскина, как практически весь последующий русский исторический роман, что является для исследователя его главным недостатком. Исключение он делает только для «Капитанской дочки» А. С. Пушкина. «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя становится наивысшим проявлением нетолерантности. Эта позиция ясна и последовательна, но сама по себе нетолерантна, ибо признаёт только тип романа, созданный Скоттом, и только его отношение к историческому процессу за норму.

С моей точки зрения, подход к истории М. Н. Загоскина более характерен для романтического образа мышления, чем подход самого Скотта. Концепцию истории М. Н. Загоскина можно характеризовать как более соответствующую романтическому мировосприятию, в то время как историческая концепция Скотта более соответствует общему духу европейской культуры Нового времени, определяемому, как известно, Просвещением.

Обратимся теперь к характеру главного героя и его роли в романе. Юрий Милославский, в соответствии с английским образцом, по ходу сюжета связан и с одной, и с другой враждующими сторонами в историческом конфликте. Однако главный герой у Скотта – как правило, частный человек, преследующий свои, частные интересы, который связан с людьми, принадлежащими к противоборствующим историческим лагерям, родственными или дружескими связями. Он не заинтересован непосредственно в исходе исторического конфликта и не принимает в нём прямого участия, но оказывается поневоле втянут в него и играет роль посредника. Не имея личной заинтересованности в конфликте, он свободен оказывать услуги той или другой стороне в зависимости от личных симпатий и интересов, и при этом не всегда понимает хорошенько, что именно он совершает.

Не то Юрий Милославский. Он уже в первой сцене в корчме предстаёт как герой, кровно заинтересованный в происходящем и имеющий свою идеологическую точку зрения. Следует сказать, что среди героев романа и нет таких, кто был бы равнодушен к происходящему и не имел своей точки зрения. Услышав от проезжего купца, что Москва целовала крест королевичу Владиславу, путники, переживающие метель в корчме, тут же разделяются на два непримиримых лагеря. В меньшинстве оказываются те, кто принимает

такое положение дел: «Плетью обуха не перешибёшь; да и что нам, мелким людям, до этого за дело?» Большинство, напротив, возмущается: «Как это что за дело? Да разве мы не православные?..» [7, 33]. Эти две точки зрения просты и понятны и тут же объединяют и разделяют героев.

Когда же в корчме появляется Юрий и говорит, что сам целовал крест Владиславу, а вместе с тем не одобряет взятия поляками Смоленска («вся Москва присягнула королевичу; он один может прекратить бедствия злосчастной нашей родины, и если сдержит своё обещание, то я первый готов положить за него мою голову. Но тот... кто радуется, что мы для спасения отечества должны были избрать себе царя среди иноплеменных, тот не русский, не православный и даже – хуже татарина!» [7, 40]) – он вызывает сложные чувства и в том, и в другом лагере. Его точка зрения внутренне противоречива, она ставит его в ложное положение между двумя лагерями.

Потеряв отца, который был известным новгородским воеводой и патриотом, Юрий Милославский по молодости и неопытности поверил, что польский королевич Владислав, взойдя на русский престол, примет Православие, и с его воцарением кончатся беды отечества, и потому присягнул ему на верность. По духу и образу мыслей будучи сторонником русского лагеря, Юрий в силу присяги попадает в стан поляков. Польская «партия» использует его как посредника, надеясь, что громкое имя Милославских поможет ему уговорить и новгородцев присягнуть Владиславу. Очевидно, что герой Загоскина оказывается посредником не в вальтер-скоттовском смысле. Юрий попал по собственной вине в ложное положение и играет в романе роль ложного посредника.

Положение главного героя как ложного посредника оказывается смертельно опасным, в чём ему приходится убедиться, как только он прибывает к боярину Кручине-Шалонскому с письмом от пана Гонсевского. Опытный и циничный политик, Кручина-Шалонский прекрасно понимает, что Владислав не станет принимать Православие, да и на трон предполагает сесть вовсе не он, а его отец Сигизмунд, чьи войска только что осадили и взяли Смоленск. Для Кручины-Шалонского новгородцы, не желающие присягать Владиславу, – бунтовщики, для Юрия они – патриоты, которых надо попытаться переубедить. Как только непримиримые противоречия становятся явными – а Юрий мужественно исповедует свои убеждения перед лицом противников, – Шалонский, будучи человеком крутого нрава, тут же собирается покончить с ним, но, сдержавшись при гостях, посылает своих слуг устроить засаду и убить его по дороге в Новгород. Сталкиваясь с Кручиной-Шалонским, а затем присутствуя на общем сходе жителей Новгорода, Юрий быстро понимает, что совершил роковую ошибку.

Как отмечают критики, главный герой в романах Скотта обычно бывает пассивен: оказавшись между двух враждующих лагерей, он плывёт по течению, им движут обстоятельства. Герой М. Н. Загоскина тоже оказывается пассивен. Как писал С. Т. Аксаков, «его спасают, посылают, освобождают, не слушают, разрешают и венчают» [1, 500]. Однако эта пассивность обусловлена иными, чем у героя Скотта, причинами, она – результат роковой ошибки, лишаящей героя возможности действовать свободно, и он воспринимает её как трагедию. Вокруг него всё действует и кипит, он же не может вступить в схватку. Присягнув на верность Владиславу, Милославский не может вступить

в борьбу с ним, но все герои романа, принадлежащие к русскому лагерю, начиная с Минина, сочувствуют ему и помогают, уважая его взгляды и верность присяге. Соответственно люди другого, враждебного лагеря, обозлённые его неудачей (или скорее непригодностью) в роли посредника, стремятся его погубить. Таким образом, герой М. Н. Загоскина, как и у Скотта, оказывается скорее объектом приложения чужой энергии, чем активно действующим героем, но смысл его пассивности совсем иной.

Различия касаются не только функции, которую выполняет главный герой в сюжетной схеме романа, но и в изображении самого внутреннего мира героя. У Скотта герой – индивидуалист, который заботится о своей личной чести и славе, об устройении своей судьбы. М. Н. Загоскин же выводит молодого героя, который не отделяет себя от судьбы своего отечества. Не только восприятие своего «срединного» положения между воюющими сторонами как трагедии отличает Юрия Милославского от молодого героя Скотта, но и то, что он вообще размышляет о происходящих на его глазах событиях как о движении истории, размышляет о судьбе отечества. Этого почти никогда не случается с героями Вальтера Скотта: они, как правило, остаются только частными людьми, попавшими в водоворот исторических событий.

Исследователи справедливо отмечают некоторую «бесцветность» главного молодого героя в романах Скотта, стандартный набор добродетелей: приятен, неглуп, достаточно образован, честен, предан в любви. Именно такой герой необходим его роману, поскольку он должен быть симпатичен читателю, однако его судьба не должна полностью поглощать его внимание, оставляя место для живописного бытописания, колоритных фигур изображаемой исторической эпохи. О Юрии Милославском критики (включая С. Т. Аксакова) тоже писали, что он «бесцветен», но эта характеристика представляется мне поверхностной. Речь на самом деле должна идти совсем о другом качестве: М. Н. Загоскин рисует идеального героя, защитника отечества, его Юрий Милославский в гораздо меньшей степени «автономный индивид», чем герой европейского исторического романа. Он скорее несёт в себе некоторые черты былинного героя и полон стремления «положить жизнь за други своя». Но только этот герой, как Илья Муромец, первые тридцать лет просидевший на печи, большую часть романа вынужденно бездействует, пока не приезжает в Троице-Сергиеву лавру и не исповедуется у Авраамия Палицына, который, принимая его послушником в обитель, освобождает от всяких обязательств перед земной властью, а затем посылает в войско князя Пожарского, подобно тому, как сам основатель лавры Сергей Радонежский послал некогда своих иноков Пересвета и Ослябю с войском Дмитрия Донского.

Обретая свободу поступать так, как велит ему совесть, то есть исполнять свой долг перед отечеством, Юрий Милославский становится не более индивидуализированным героем, а напротив, как будто теряет остатки своей индивидуальности. Он вливается в ряды воинов, и повествователь теряет его из виду, описывая события осады Кремля и изгнания поляков. И такая деиндивидуализация героя в принципе соответствует концепции личности, которая господствовала в русской культуре допетровской эпохи. Поэтому упрек критики в том, что образ главного героя романа «бесцветен», то есть недостаточно индивидуализирован, вряд ли можно считать полностью справедливым, он грешит известным антиисторизмом.

Любовная линия романа удачно вплетена в историческую канву и выписана М. Н. Загоскиным с тщательным соблюдением обычаев изображаемой эпохи. Юрий Милославский несколько раз видит Анастасию с няней в кремлёвском храме Спаса-на-Бору, и молодые люди успевают понравиться друг другу, хотя у них нет возможности ни познакомиться, ни узнать имена друг друга. Приехав с посланием к боярину Кручине-Шалонскому, Юрий узнаёт, что понравившаяся ему девушка дочь этого боярина, но он тут же вступает с её отцом в конфликт. Анастасия же, которую отец собирается выдать за одного из высокопоставленных поляков, тоскует и думает о смерти, не помышляя противиться воле отца.

В следующий раз Юрий встречает Анастасию уже под Москвой, когда так называемые шиши (крестьяне, взявшиеся наводить порядок по своему разумению) нападают на обоз её отца, справедливо подозревая в нём изменника. Отец её смертельно ранен, слуги его разбегаются, Анастасия попадает в плен, и тут её почти губит служанка, гордо сообщая, что её боярышня просватана за самого пана Гонсевского. Услышав, что она невеста поляка, крестьяне требуют её немедленной смерти, и даже поп Еремей, которого они признают и уважают как своего главу, не способен их усмирить. Тогда-то, видя, как заинтересован Милославский в её судьбе, поп Еремей находит отчаянный выход: он венчает Юрия и Анастасию в закрытом храме и выводит её к разъярённым крестьянам уже как боярыню Милославскую.

После венчания Анастасия впервые робко заговаривает с мужем о своей любви. Это единственный эпизод, где С. Т. Аксаков нашёл отступление от нравов того времени в изображении любви: «Анастасия, обвенчавшись с Юрием, через несколько минут прижимает руку его к своему сердцу и говорит: *чувствуешь ли, как бьётся моё сердце? Оно живёт тобою* и пр. ... И действие, и слова не в характере того времени. Анастасия могла взять руку Юрия и поцеловать» [1, 361]. Но Юрий тут же сообщает ей, что он стал послушником в монастыре, и им не суждено жить вместе. Анастасия возвращается к своей тётке в Хотьковский монастырь и тоже собирается постричься в монахини. И только когда Авраамий Палицын, вновь встретив Юрия уже после изгнания поляков из Кремля, одобряет то, каким образом он спас Анастасию, и объясняет ему, что таинство венчания неотменимо, послушник же – ещё не инок, и он может покинуть монастырь, не нарушив его устава, личная драма героя приходит к благополучной развязке. Но о счастливой жизни Милославских Загоскин не сообщает ни слова, что соответствует традиции умолчания обо всем, что касается интимных чувств, характерной для древнерусской культуры. В эпилоге романа читатель видит среди паломников в Троице-Сергиеву лавру юного сына Милославских, стоящего перед могилой своих родителей, которые умерли в один день. Только это краткое свидетельство могильной плиты даёт читателю понять, что брак их был счастлив.

В жизни главного героя романа и его невесты большую и действенную роль играет религия: к ней они прибегают во всех драматических, часто кажущихся безвыходными ситуациях романа, и ситуации эти в конце концов разрешаются благополучно. Религия играет большую роль и в политическом противостоянии, составляющем исторический конфликт романа, поскольку спор идёт о том, что русский престол не может занять неправославный государь. Изображая русскую жизнь начала XVII столетия как православную в

своих основах, М. Н. Загоскин выводит на сцену такую характерную фигуру эпохи, как юродивый Митя, который обличает боярина Кручину-Шалонского, а в конце романа подбирает его смертельно раненного и всеми брошенного и побуждает перед смертью покаяться. С. Т. Аксаков назвал образ юродивого лучшим образом романа.

В целом исторический колорит эпохи, насколько могут судить о ней последующие поколения, был удачно схвачен М. Н. Загоскиным. Это было отмечено в рецензии А. С. Пушкина на «Юрия Милославского»: «Г-н Загоскин точно переносит нас в 1712 год. Добрый наш народ, казаки, монахи, буйные шиши – всё это угадано, всё это действует, чувствует, как должно было действовать, чувствовать в смутные времена Минина и Авраамия Палицына. Как живы, как занимательны сцены старинной русской жизни! Сколько истины и добродушной весёлости в изображении характеров Кириши, Алексея Бурнаша, Федыки Хомяка, пана Копычинского, батьки Еремея!» [12, 73]. Вместе с тем А. С. Пушкин указывает на «два-три лёгких анахронизма и некоторые погрешности противу языка и костюма».

Между тем большая часть литературных критиков не спешила хвалить роман М. Н. Загоскина. Негативное отношение многих критиков с некоторым удивлением отмечал С. Т. Аксаков: «...но по какой-то странной причине тогдашние журналы были очень умеренны в своих похвалах; положим, что двое из журналистов были сами романисты; но отчего другие или холодно и двусмысленно хвалили, или упорно молчали?» [1, 404]. Это был важный вопрос, хотя отчасти риторический. Роман из национальной истории – это в любой литературе произведение, которое оценивается столько же за свои художественные достоинства, сколько и за свою «тенденцию», и это необходимо принимать во внимание. Понятно, что в свете той острой идеологической борьбы, которая велась вокруг проблем русской истории между западниками и славянофилами, каждое произведение воспринималось как реплика в этой борьбе.

М. Н. Загоскин вступил на литературное поприще как автор комедий, причём первая его комедия была написана в поддержку «Липецких вод» А. А. Шаховского и стала репликой в противостоянии «Беседы любителей русского слова» и «Арзамаса». Загоскин сразу же заявил себя как сторонник «русского направления», и это он считал самым важным в своём творчестве. Но борьба «карамзинистов» и «шишковистов» продолжалась недолго. Н. М. Карамзин, как автор «Истории государства российского», из которой черпали сюжеты для своих больших и малых произведений многие русские литераторы, уже не являлся идеологическим противником А. С. Шишкова, и для М. Н. Загоскина его труд послужил одним из исторических источников. В. А. Жуковский и А. С. Пушкин, бывшие арзамасцы, приветствовали роман Загоскина.

На рубеже 1820–1830-х годов противниками «русского направления» становятся западники во главе с В. Г. Белинским. Последний в своих статьях уделял большое внимание Фенимору Куперу как последователю Скотта. В русской литературной критике 1830-х годов, так же как и в американской, обсуждался вопрос о самой возможности существования исторического романа. В обоих случаях мысль о невозможности возникала в связи с представлением об особенностях национальной истории или отсутствии таковой. При этом

применительно к США речь шла о буквальном отсутствии собственной истории, которая уходила вглубь всего лет на шестьдесят. В России же, история которой уходила вглубь по меньшей мере на десять веков, подобные идеи возникали в среде крайних западников, которые русскую историю до Петра называли «варварством», а после Петра – «заимствованием».

Тем не менее даже при почти полном отсутствии национальной истории существование исторического романа оказалось возможным. Это доказали романы Фенимора Купера, блестящего последователя Скотта. Романы Купера Белинский объявлял гениальными, находил в них необыкновенные глубины раскрытия человеческого характера даже там, где Купер бывал совершенно банален, например, в милом, но вполне бесцветном характере Мабель Дунгам из романа «Следопыт»¹. Его крайне занимал пример Купера как подражателя Вальтера Скотта и вместе с тем самобытного автора. Белинский обсуждал сравнительные достоинства Скотта и Купера во время своей встречи с Лермонтовым и радовался, что Лермонтов тоже ставил Купера выше Скотта [3, т. 11, 509]. Критик пытался доказать, что, хотя Купер и заимствует схему исторического романа Скотта, его художественные достижения выше, чем достижения шотландского романиста. Скотт изображает многовековую, устоявшуюся европейскую историю с её ярко очерченными фигурами и национальными характерами, Купер же берётся за историческое описание страны, национальное лицо которой ещё не определилось.

Логика мысли Белинского вполне понятна: ему хотелось бы видеть и в России романиста, подобного Куперу, который с такой же уверенностью обрисовал бы ещё не сложившийся, по его мнению, и не проявивший себя на мировой арене русский характер. Ему хотелось бы, чтобы этот романист был столь же самобытен и самостоятелен, как Купер, при всей своей опоре на Скотта. К своему сожалению, он подобного романиста в России так и не увидел.

Понятно, что роман М. Н. Загоскина должен был раздражать В. Г. Белинского. В отличие от И. И. Лажечникова, для которого русская история начиналась с Петра Великого, М. Н. Загоскин осмелился обратиться к истории допетровского времени и изобразить в привлекательном свете все её «варварские» обычаи. Главное же, он изобразил в привлекательном виде Православие и представил русский народ как народ традиционно православный. В. Г. Белинскому же хотелось верить, что лицо русского народа ещё не определилось, как и лицо американского, что он ещё находится в процессе становления. В свете его идеологических позиций его реакция на «Юрия Милославского» неудивительна: «Все лица романа – осуществление личных понятий автора... Познакомившись с таким лицом на одной странице романа, вы знаете, что он будет говорить и делать на другой, на третьей – и так до последней, а всё-таки с удовольствием следите за ним... ничему не верите, а читаете, словно “Тысячу и одну ночь”» [3, т. 10, 366]. Художественный вкус Белинского вступает в данном случае в противоречие с его идейными установками.

¹ См., например, письмо В. П. Боткину 10–11 декабря 1840: «Мабель – вот истинная женщина, чуждая всякой мелочности, нормальная и простая в глубокости своей... Что перед нею все немки и все обожательницы Жан-Поля, Гофмана и Шиллера!» [3, т. 11, 574].

С тех же идеологических позиций осудил роман Загоскина и Н. А. Полевой в «Московском телеграфе»: «Эпоха 1612 года есть один из главных коньков нашего народного самолюбия... Колокольчик народного самохвальства и богатрства должен нравиться. И «Юрий Милославский» звонил в этот колокольчик изо всех сил» [11, 540]. В. Г. Белинский, впрочем, принимая во внимание всеобщий успех «Юрия Милославского», хвалил отдельные стороны романа, его увлекательность, его юмор, но всегда делал это снисходительно и с оговорками. К следующим романам Загоскина он относился более критично (и ни один из них уже не повторил успеха «Юрия Милославского»), но вынужден был признать, что «каждое новое произведение г-на Загоскина является событием для русской публики».

М. Н. Загоскин нашёл формулу русского исторического романа, преемственно связанную с романом Вальтера Скотта, но представляющую собой самостоятельную вариацию, учитывающую особенности национальной русской культуры. Исторические романы М. Н. Загоскина, и особенно первый и наиболее яркий из них – «Юрий Милославский», несправедливо забыты и нуждаются в более пристальном изучении и переоценке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков С. Т. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 3.
2. Альтшуллер М. Эпоха Вальтера Скотта в России: исторический роман 1830-х годов. СПб.: Академический проект, 1996.
3. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953–1958.
4. Бестужев А. А. Сочинения Марлинского (А. А. Бестужева): в 4 т. Т. 4. М., 1902.
5. Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.–Л., 1930.
6. Долинин А. История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М.: Книга, 1988.
7. Загоскин М. Н. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. М.: Художественная литература, 1967.
8. Левин Ю. Д. Прижизненная слава Вальтера Скотта в России // Эпоха романтизма: из истории международных связей русской литературы. Л.: Наука, 1975. С. 5–67.
9. Мандевиль Бернгард. Возроптавший улей, или Мошенники, ставшие честными / Пер. Е. С. Лагутина и В. Л. Субботина. М.: Наука, 2000. Серия «Памятники философской мысли».
10. Новалис. Христианство, или Европа // Новалис. Генрих фон Офтердинген / Пер. В. Б. Микушевича. М.: Ладомир; Наука, 2003.
11. Полевой Н. А. Рецензия // Московский телеграф. 1831. Ч. XXXVIII. № 8. С. 540–541.
12. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979. Т. 7.
13. Burke, Edmund. Reflections on the Revolution in France. Ed. by Thomas H. D. Mahoney. Indianapolis: Bobbs-Merrill Educational Publishing, 1977.
14. Chateaubriand, François-René. Le génie du Christianisme. Oeuvres complètes de M. Le vicomte de Chateaubriand. Tome 14–17. Paris: Pourrat frères, editeurs, 1836.